

НЕКОТОРЫЕ ПРАВИЛА ДОКАЗЫВАНИЯ И ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЙ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ, СФОРМУЛИРОВАННЫЕ ЕВРОПЕЙСКИМ СУДОМ ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА

В соответствии со ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод каждый имеет право на справедливое судебное разбирательство. В силу ст. 15 Конституции РФ положения данной Конвенции, ратифицированной Российской Федерацией, обязательны для применения на территории РФ в том толковании, которое дает им Европейский суд по правам человека (далее – ЕСПЧ или Суд). Более того, они имеют приоритет перед нашим внутренним законодательством, в том числе и перед нормами уголовно-процессуального права РФ.

Прежде всего, отметим, что ЕСПЧ никогда не рассматривал специально вопросы о целях доказывания, о допустимости доказательств, об их достаточности для вынесения приговора, вопроса об обоснованности судебных решений, поскольку это, по мнению ЕСПЧ, – прерогатива каждого отдельного государства и его внутренних судов. Право на справедливое судебное разбирательство понимается ЕСПЧ исключительно как право на должную (справедливую) правовую процедуру, но не включает в себя право на получение благоприятного судебного решения.

Тем не менее содержание ст. 6 Конвенции (в толковании, даваемом ему ЕСПЧ) и важность обеспечения ее реального и исполнимого характера (а не иллюзорного и декларативного) приводит в ряде случаев ЕСПЧ к необходимости формулировки им своей позиции относительно некоторых аспектов допустимости доказательств, распределения бремени доказывания, требований к определению круга доказательств, которые необходимо исследовать по уголовному делу, и даже критериев оценки доказательств и обоснования выводов по делу. При этом Суд исходит из следующего:

1) состязательность (хотя она прямо и не отражена в ст. 6 Конвенции) является одним из принципов справедливого судебного разбирательства. В то же время состязательность Суд понимает не совсем так (или совсем не так), как понимает ее Конституционный Суд РФ и как она определена в УПК РФ. С точки зрения ЕСПЧ состязательность – принципиальная возможность для сторон быть информированными обо всех представленных доказательствах или зафиксированных замечаниях

* © Трубникова Т.В., 2010

Трубникова Татьяна Владимировна – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности Юридического института Томского государственного университета

и иметь возможность их комментировать. Состязательность предполагает, в частности, право сторон представлять любые замечания и обязанность суда их рассмотреть, разумную возможность эффективно оспаривать предположения и доводы противоположной стороны;

2) право на справедливый суд включает в себя также (и наряду с состязательностью) принцип равенства сторон. Он подразумевает, что каждой из сторон в разбирательстве должна быть гарантирована разумная возможность представить свое дело в таких условиях, которые не ставят ее в существенно менее благоприятное положение в сравнении с оппонентом. Положение сторон в процессе должно быть справедливо уравнено.

Такое понимание состязательности и равенства сторон позволяет ЕСПЧ в отдельных случаях оценивать с позиции соблюдения права на справедливое судебное разбирательство некоторые аспекты собирания, проверки и оценки доказательств, требований к допустимости доказательств. Например, по делу «Мирилашвили против России» ЕСПЧ установил, что судом первой инстанции при рассмотрении уголовного дела по обвинению Мирилашвили были оглашены показания трех свидетелей обвинения, проживавших в Грузии и не явившихся в суд. Эти свидетели опрошены адвокатами защиты, отказались от ранее данных показаний, и результаты соответствующих опросов были предоставлены суду. Суд огласил показания свидетелей, данные на следствии (в полном соответствии с положениями ч. 2 ст. 281 УПК РФ), но отказался приобщить и огласить результаты опросов свидетелей адвокатами, посчитав их не отвечающим требованию допустимости. ЕСПЧ по данному делу пришел к выводу о том, что защита находилась в неблагоприятном положении: обвинение могло допрашивать ключевых свидетелей непосредственно, защита — нет. В условиях, когда заявитель не имел возможности допросить ключевых свидетелей обвинения в суде или, по крайней мере, на стадии предварительного следствия, отказ приобщить к делу показания, полученные защитой, не был оправданным. Соответственно, защита оказалась в менее благоприятном положении;

3) ч. 3 ст. 6 Конвенции указывает на право обвиняемого допрашивать показывающих против него свидетелей или иметь право на то, чтобы эти свидетели были допрошены, и иметь право на вызов и допрос свидетелей в его пользу на тех же условиях, что и для свидетелей, показывающих против него.

Исходя из указанных предпосылок, ЕСПЧ сформулировал следующие позиции, имеющие существенное отношение к процессу доказывания.

1. Содержание права стороны защиты на вызов и допрос свидетелей:

а) право на вызов и допрос свидетеля небеспредельно. Суд не должен допрашивать любого свидетеля, о вызове и допросе которого ходатай-

ствуется обвиняемый. Достаточно, если будет соблюдаться равенство прав сторон в вопросе о вызове и допросе свидетелей;

б) суд должен удовлетворить такое ходатайство, если вызов свидетеля является необходимым для установления истины, а отказ его допросить может причинить ущерб праву на защиту. В иных случаях внутренний суд соответствующего государства вправе отказать в удовлетворении ходатайства о вызове и допросе свидетеля, но такой отказ должен быть мотивированным;

в) однако если суд «формально» удовлетворил ходатайство о вызове — он согласился, что показания такого свидетеля могут иметь существенное значение, следовательно, он должен предпринять необходимые усилия для обеспечения участия данного свидетеля.

2. Содержание права обвиняемого допрашивать показывающих против него свидетелей.

Вопрос о нарушениях данного права обсуждался судом в случаях:

— оглашения в судебном разбирательстве показаний неявившегося свидетеля;

— оглашения в судебном разбирательстве показаний свидетеля, дававшего показания против себя или близких лиц на досудебном этапе, но отказавшегося от дачи показаний в суде;

— допроса анонимного свидетеля.

Подход ЕСПЧ ко всем этим ситуациям имеет очень много общего, в связи с чем представляется возможным сформулировать «суммарную» правовую позицию относительно условий и необходимых гарантий реализации данного права. В соответствии с ней:

а) по общему правилу все показания, на основании которых строится обвинение, должны быть получены в присутствии обвиняемого в ходе публичных слушаний с учетом принципа состязательности. Однако использование в качестве доказательств показаний, полученных на стадиях расследования органами внутренних дел и судебного следствия, само по себе не является несовместимым с положениями ст. 6 Конвенции при условии соблюдения прав на защиту. Как правило, эти права требуют, чтобы обвиняемому была предоставлена достаточная и надлежащая возможность оспорить показания свидетеля обвинения и задать ему вопросы либо когда этот свидетель дает показания, либо на более поздней стадии производства. При этом обвиняемый должен иметь возможность не только знакомиться со сведениями о личности допрашиваемых свидетелей, но и следить за их поведением в ходе допроса с целью обеспечения реальной возможности опровержения их показаний, проверки их надежности. К числу свидетелей Суд относит любых лиц, чьи показания (в том числе зафиксированные органами следствия) используются национальными

судами в качестве доказательств по делу (в том числе потерпевших, а также обвиняемых, дающих показания против других сообвиняемых);

б) сторона защиты вправе отказаться от осуществления своего права на допрос свидетелей, и тогда письменные показания свидетеля могут быть оглашены, если такой отказ от своего права на допрос свидетеля имел добровольный характер и был недвусмысленно выражен;

в) исключение из права стороны защиты допросить свидетеля обвинения в некоторых случаях допустимо, но наличие такой необходимости должно вытекать из каких-то других существенных интересов (например, защиты жизни и здоровья свидетеля). Судом при этом обязательно должно быть проверено, наличествуют ли такие интересы в рассматриваемом деле, следует ли в конкретной ситуации оказывать им предпочтение перед беспрепятственной реализацией обвиняемым своего права на защиту, что должно найти мотивированное отражение в соответствующем решении;

г) при этом должны существовать уравнивающие факторы, обеспечивающие соблюдение права на защиту. Ограничения права обвиняемого на защиту (в том числе на допрос свидетеля обвинения) должны быть минимально необходимыми: если для реализации этих интересов достаточно менее ограничительной меры, то именно она и должна применяться;

д) и самое главное: обвинительный приговор не должен основываться единственно или в решающей степени на анонимных утверждениях или показаниях свидетелей, которых сторона защиты не имела возможности допросить ни в суде, ни на досудебном этапе.

Например, в Постановлении ЕСПЧ по делу «Владимир Романов против Российской Федерации» от 24.07.2008 г. Суд констатировал, что по делу имело место нарушение РФ ст. 6 Конвенции, указав в обоснование, что: 1) заявитель не имел возможности допросить потерпевшего ни на следствии, ни в судебном заседании; 2) видеозапись допроса свидетеля не велась, и ни суд, ни заявитель не имели возможности наблюдать его поведение на допросе и таким образом составить мнение о достоверности показаний; 3) суд не спросил мнения стороны защиты о возможности оглашения показаний неявившегося потерпевшего; 4) единственным прямым доказательством, на котором был основан приговор суда, были оглашенные показания неявившегося потерпевшего.

Кроме того, ЕСПЧ исходит из того, что поскольку права, предоставленные Конвенцией, должны быть реальными и исполнимыми, а не иллюзорными, то возможность личного наблюдения устных показаний главного свидетеля не может быть заменена тщательным исследованием его показаний и предоставлением обвиняемому возможности оспаривать их в судебном заседании. К сожалению, Конституционный Суд РФ занимает по данному вопросу противоположную позицию, отражен-

ную в его Определении от 2 апреля 2009 г. № 477-О-О и Определении от 21 апреля 2005 г. № 240-О. Так, в Определении Конституционного Суда РФ от 2 апреля 2009 г. № 477-О-О Суд указал на то, что не противоречит Конституции РФ возможность оглашения в судебном разбирательстве показаний лиц, которые в суде воспользовались правом, предоставленным им ст. 51 Конституции РФ. При этом он указал, что сторона защиты может оспаривать оглашенные показания *путем заявления ходатайств об исключении недопустимых доказательств* или об истребовании дополнительных доказательств в целях проверки допустимости и достоверности оглашенных показаний, а также с помощью иных средств. Между тем такая возможность имеет явно формальный характер, поскольку, согласно действующему российскому законодательству, такие показания являются допустимым доказательством, а иными способами (с помощью истребования других доказательств) далеко не всегда возможно оспорить показания лица, которое не было допрошено в суде.

3. ЕСПЧ допускает отдельные высказывания по вопросам допустимости доказательств. Причем ЕСПЧ как признает, что некоторые доказательства, полученные с грубыми нарушениями отдельных прав граждан, должны быть безусловно признаны недопустимыми, так и в некоторых случаях, напротив, высказывается против автоматического исключения относимых и существенных материалов из числа доказательств.

Однозначно и безусловно недопустимыми Суд признает доказательства, полученные в результате применения пыток (так как использование такого доказательства вызывает, по его мнению, серьезные вопросы относительно справедливости такого разбирательства, даже если принятие такого доказательства не имело решающего значения при осуждении подозреваемого). Он также считает, что использование некоторых других доказательств «создает сильную презумпцию несправедливости» судебного разбирательства. К числу таких доказательств он относит: показания, полученные от обвиняемого, вопреки его праву на свободу от самооговора; доказательства, полученные с применением жестокого или унижающего достоинство обращения, а также с нарушением права на защиту. Напротив, вполне могут быть, по мнению Суда, использованы в доказывании по уголовному делу (если это допускается законодательством соответствующего государства) доказательства, полученные с нарушением установленной законом процедуры собирания доказательств либо с нарушением права на уважение частной и семейной жизни, закрепленного в ст. 8 Конвенции, если нет сомнений в их достоверности и если заявитель имел возможность оспаривать доказательства и возражать против их использования. Суд при этом не придерживается концепции «плодов отравленного дерева».

4. ЕСПЧ также сформулировал особые правила оценки некоторых доказательств. В частности, по его мнению, к оценке показаний обвиняемого следует подходить иначе, чем к оценке показаний незаинтересованных свидетелей, его признание вины действительно только в отношении его одного, в отношении остальных обвиняемых оно — рядовое доказательство (более того, вызывающее дополнительные сомнения), поскольку «...правдивость их сведений не имеет никаких гарантий, позволяющих привлечь их к ответственности за умышленную дачу ложных показаний».

Суд также сформулировал запрет на использование в доказывании данных, полученных в результате провокации. Суд полагает, что если преступление было предположительно спровоцировано действиями тайных агентов и ничто не предполагает, что оно было бы совершено и без какого-либо вмешательства, то эти действия уже не являются деятельностью тайного агента и представляют собой подстрекательство к совершению преступления. Подобное вмешательство и использование его результатов в уголовном процессе могут привести к тому, что будет непоправимо подорван принцип справедливости судебного разбирательства.

5. Наконец, ЕСПЧ полагает, что: «Для того, чтобы разбирательство было справедливым, суд должен надлежащим образом изучить замечания, доводы и доказательства, представленные сторонами, без предвзятости при оценке их применимости к его решению... Пункт 1 ст. 6 Конвенции требует, чтобы суды приводили мотивацию своих решений». Таким образом, существенными условиями справедливости судебного разбирательства являются:

— непредвзятый характер оценки представленных сторонами сведений (доказательств). В частности, ЕСПЧ неоднократно отмечал в отношении РФ «избирательный и в какой-то степени непоследовательный подход к оценке доказательств расследующим органом»;

— мотивированный характер как решения о приобщении (неприобщении) к делу соответствующего доказательства, так и итогового решения, в котором эти доказательства оцениваются.

Сравнение проанализированных позиций ЕСПЧ по правам человека с уголовно-процессуальным законодательством Российской Федерации и практикой его применения позволяет увидеть, что некоторые нормы УПК РФ *прямо препятствуют* реализации правовых позиций ЕСПЧ; в других случаях закон *позволяет* следовать позициям ЕСПЧ, но российская правоприменительная практика традиционно строится без их учета; в третьих случаях российское уголовно-процессуальное законодательство *требует* от правоприменителя того же поведения, что и ЕСПЧ, однако соответствующие правила «привычно» не вполне реализуются на практике. Ситуация может быть изменена только с помощью комплекса мер,

среди которых внесение необходимых изменений в закон не является ни единственным, ни главным. Требуется настойчивое и необратимое формирование профессионального правосознания, в котором уважение прав и свобод человека, его чести и достоинства будет неизменно превалировать над любыми ведомственными и чиновничьими устремлениями.

*Т.К. Рябина**

ОСОБЕННОСТИ ДОКАЗЫВАНИЯ В СТАДИИ НАЗНАЧЕНИЯ СУДЕБНОГО ЗАСЕДАНИЯ

Уголовно-процессуальным законом предусмотрены единые требования ко всем решениям, принимаемым в ходе производства по уголовному делу — они должны быть законными, обоснованными и мотивированными (ч. 4 ст. 7 УПК). Отступление от этих требований в равной степени отрицательно отражается и на интересах участников процесса, и на интересах правосудия.

Несмотря на важность указанных требований ко всем процессуальным решениям, закон не требует от судьи при принятии им решения в стадии назначения судебного заседания приведения в нем фактических оснований решения, то есть установленных по делу обстоятельств и анализа доказательств, на которых основаны выводы, а также мотивов, почему принимается или не принимается такое решение, а лишь содержит положение о том, что в постановлении указываются основания принятого решения (ч. 2 ст. 227 и ч. 2 ст. 236 УПК).

УПК РСФСР в редакции до 1992 г. содержал положения о достаточных основаниях внесения дела в судебное заседание (ст. 221, 227, 228 УПК), а УПК в редакции 1992 г. — о достаточности доказательств для рассмотрения дела в судебном заседании (ст. 222 УПК), и процессуалисты, как правило, были единодушны во мнении, что одним из оснований принятия решения о назначении судебного заседания и предании обвиняемого суду была обоснованность обвинения. К тому же Пленум Верховного Суда СССР требовал от судей более тщательной проверки полноты предварительного расследования, обоснованности предъявленного обвинения.

Действительно, установление достаточных оснований для назначения дела к судебному заседанию является тем центральным вопросом,

* © Рябина Т.К., 2010

Рябина Татьяна Кимовна — кандидат юридических наук, профессор, заведующая кафедрой уголовного процесса и криминалистики Курского государственного технического университета